Г. С. Спицын

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛЬСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Работа представлена кафедрой теории коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. П. Гавра

В статье рассматриваются проблемы, связанные с влиянием национально-патриотического фактора на восточную политику Польши. Одним из ключевых элементов польской внешней политики на восточном направлении в контексте формирования новой польской национальной идеи является поиск исторической правды. Эта статья – попытка объяснить, какое влияние на формирование отношений между государствами может оказать их совместная история.

Ключевые слова: Польша, патриотизм, историческая правда, национализм, национальная идея.

The work investigates one of the key elements of Poland's foreign policy on the eastern side in the context of forming a new national idea – search for historical truth. The article's purpose is to explain how does mutual history of the two countries influence their relationships regarding the influence of the national-patriotic factor over the eastern politics of Poland.

Key words: Poland, patriotism, historical truth, nationalism, national idea.

История страны, а также ее интерпретация властными элитами государства, ответственными за патриотическое воспитание населения и формирование *национальной идеи* (т. е. теоретически оформленной рефлексии относительно смысла бытия и перспектив развития нации с осмыслением того, что есть данная нация как социальная, культурная и политическая общность), является достаточно мощным инструментом для формирования национального сознания. Это влияние осуществляется посредством школы (в широком понимании этого слова, от начальной до высшей школы), общественных институтов и средств массовой информации, которые формируют у населения представления о месте страны в иерархической структуре мирового сообщества, межгосударственных и межнациональных отношениях с соседними государствами (народами), перспективах страны на международной арене и т. п.

Как правило, подобным образом происходит мифологизация героев прошлого, великих битв, в которых были одержаны победы над могущественными врагами, открытий, которые были совершены великими учеными, и тому подобных значимых событий. Подобная мифологизация прошлого страны позволяет развить в гражданах чувство патриотизма.

«Патриотизм – (от *греч*. Patris – отечество) – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины. Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. Патриотизм – одна из форм диалектического сочетания личных и общественных интересов, единения человека и общества. Патриотические идеи, чувства возвышают личность, когда они сопряжены с уважением к народам других стран и не вырождаются в психологию национальной исключительности» [10, с. 415]. К настоящему времени отечественная концепция патриотизма претерпела существенные изменения. В новом веке отечественные исследователи приняли западную точку зрения и уже определяют патриотизм как «нравственный принцип, нравственную логику и нравственное чувство, возникшие на заре становления человечества и глубоко осмысленное даже античными теоретиками. «Патриот – человек, выражающий и реализующий в своих поступках глубокое чувство уважения и любви к родной стране, ее истории, культурным традициям, ее народу… В современной эмпирической (преим. социологической и политологической) научной традиции П. определяется как “национальный” или как национализм и провозглашается основ-

ной общественной ценностью. При этом патриотизм понимается скорее как преданность национальной политической власти» [9, с. 408].

С точки зрения этнологии патриотизм делится на ряд видов:

• *личный* – бессознательное чувство привязанности к земле, на которой родился и вырос, к отчему дому;

• *местный* – любовь к родному уголку земли, «малой» Родине;

• *национальный* – преданность своей нации, этнической группе, любовь к национальной культуре, традициям, обычаям, языку;

• *государственный* – уважение и преданность своей стране, ее социальным и политическим устоям, в готовности встать на защиту Отечества, в почтительном отношении к государственным символам, в высокой гражданственности [11, с. 237].

Однако еще в 1931 г. Р. Михельс указывал на следующие составляющие понятия патриотизм, которые делают его шире, чем Родина (любовь к Родине):

• общность расы и происхождения;
• общность языка;
• общность культуры;
• общность судьбы;
• общность религии;
• общность государства;
• общность желаний [3, s. 72].

Как мы уже говорили, чувство патриотизма развивается в гражданах посредством воздействия общественных институтов, и в первую очередь СМИ. Эти институты апеллируют к героям и их победным свершениям, происходившим в прошлом, таким образом прививая и развивая любовь к собственной стране. Если государство имеет достаточно богатую историю, насыщенную подобными положительными примерами, – задача общественных институтов по воспитанию государственного патриотизма представляется достаточно легкой, если же нет – героизации подвергаются славные поражения (например, подвиг трехсот спартанцев в Фермопилах, битва на Косовом поле, Варшавское восстание и т. п.). Однако здесь необходимо заметить, что победа или славное поражение имеет ценность для патриотического воспитания в основном тогда, когда посредством их была достигнута цель изначального противостояния с врагом, либо же это поражение – нечто из ряда вон выходящее и за ним сразу же следует цепь побед, нивелирующих отрицательный эффект и не позволяющих говорить о тенденциях (например, в истории России таковым поражением была Крымская война, отмеченная, несмотря на отрицательный итог, героической обороной Севастополя и победой в битве под Балаклавой, в которой был уничтожен цвет английской аристократии).

Если поражение было нанесено в результате долгой и продолжительной борьбы превосходящим по силе противником, однако военный и экономический потенциал страны при этом не был существенно поврежден, с большой долей вероятности в стране могут развиться реваншистские (шовинистические) настроения. В рамках политологии шовинизм определяется как «комплекс национальных настроений, чувств, идей национальной исключительности, основанный, прежде всего, на военном превосходстве определенной нации. От патриотизма шовинизм отличается преувеличенной, экзальтированной национальной окраской, агрессивностью и воинственностью, готовностью защищать национальные интересы любой ценой, в том числе с помощью оружия» [4, с. 251]. Здесь необходимо отметить, что шовинизм в равной степени может быть как средством агрессии и победы, так и поражения и надежды на реванш. Пример перового типа шовинизма – это Британская империя на протяжении середины XIX – начала XX в., современные Соединенные Штаты Америки, второго – Франция после Наполеоновских войн, Германия после поражения в Первой мировой войне и т. п.

Однако почву для шовинистических настроений все же подпитывает военно-экономический потенциал страны и ее геополитическое положение. Если военно-экономический потенциал страны серьезно подорван, а геополитическое положение не позволяет проводить самостоятельную политику (например, из-за оккупации страны иностранными державами, размещения на ее территории иностранных баз или вхождения в сферу влияния другого государства иным способом), возникновение шовинистических настроений маловероятно, практически невозможно, тем более что в таких случаях, как правило, победившая держава начинает проводить политику «мягкого», культурного влияния, оправдывая сложившееся положение (например, политика денацификации Германии после Второй мировой войны).

Существенное уменьшение возможности проводить самостоятельную политику, сокращение сферы влияния, отторжение каких-либо территорий – все это ведет к переосмыслению положения государства на международной арене. Для одних государств утрата империи и главенствующего положения в регионе проходит относительно безболезненно, как, например, для Швеции после проигранной Северной войны и русско-шведских войн середины XVIII – начала XIX в. В этом случае государство с помощью общественных институтов формирует новую национальную идею и целенаправленно отказывается от экспансионистских и шовинистических устремлений (как известно, Швеция в 1814 г. отказалась от иллюзий реализации национальной идеи «Балтийское море – внутреннее озеро Швеции», провозгласила свой нейтралитет, которого придерживается и по сей день, и направила все ресурсы на экономическое развитие страны). В иных же случаях переосмысления национальной идеи и направления ее в мирное русло не происходит, что входит в противоречие с внешне- и внутреннеполитическими реалиями. Таким образом, экспансионистская и шовинистическая национальная идея, не подтвержденная экономическим и военно-политическим потенциалом, является постоянным раздражителем для общества, обузой для экономики и проблемой в установлении хороших взаимоотношений с соседними государствами, как, например, польская национальная идея конца XVIII – начала XX в. «Польша от моря до моря», провозглашающая своей целью создание Речи Посполитой в границах XVII в., включающей, помимо Польши, территории, относящиеся к Украине, Белоруссии и Литве. В контексте этой идеи не только политической, но и духовной трагедией для Польши стал ряд обреченных на провал вооруженных восстаний XIX в., несколько разделов ее территории между соседними державами и в итоге полная потеря государственности. Когда национальная независимость была на короткий период восстановлена (1918–1939 гг.), Польша вновь стала проводить экспансионистскую шовинистическую политику и притеснения национальных меньшинств, опять переоценив свои экономические, геополитические и военные возможности и наживая себе могущественных врагов. В этот период национальная политика Польши носила достаточно эгоистический и мстительный характер: в восточных областях Польши проводилась политика полонизации, притеснения украинского и белорусского православного населения, на западе – угнетения немецкого населения земель, присоединенных к Польше за счет Германии, побежденной в Первой мировой войне, на юге – территориальный спор с Чехословакией из-за Заользья [2]. Политика такого рода стала одним из факторов, стимулировавших нападение Германии на Польшу в 1939 г. Эта агрессия, очевидно, была обусловле-

на не только политикой защиты немецкого населения, но она была одной из причин, называемых Гитлером [5, с. 78].

После окончания Второй мировой войны возрождение польской национальной идеи представлялось достаточно проблематичным из-за вхождения в коммунистический блок: свою роль играла и официальная идеология пролетарского интернационализма, и присутствие на территории Польши советских войск. В силу этих причин традиционная национальная идея была уделом польской эмиграции, диссидентов и части польской интеллигенции. Здесь необходимо отметить, что, несмотря на антисоветскую и антикоммунистическую направленность многих польских движений и диссидентских групп, далеко не все из них руководствовались традиционной польской национальной идеей. Уже в тот период эта идея начала трансформироваться под влиянием нового расклада сил на мировой арене и разделения мира на два блока, возглавляемых супердержавами.

После 1991 г., когда Польша обрела полную независимость, а Советский Союз распался на отдельные государства, польская национальная идея видоизменяется: теперь вместо единой Польши от Балтики до берегов Черного моря предполагается создание пояса демократических государств, лояльных Западу и выведенных из сферы влияния России. В этой концепции Польше отводится роль регионального лидера, призванного оказывать культурное влияние и помощь в демократизации. Подобные усилия со стороны Польши были наиболее заметны во время «оранжевой революции» на Украине, в помощи белорусской оппозиции, поддержке Грузии и ее лидера Михаила Саакашвили во время войны в Южной Осетии и т. п. Это влияние опирается военную силу НАТО и экономическую силу ЕС, поэтому Польша в данном случае является в большей степени проводником, нежели источником влияния.

Несмотря на определенные успехи такой политики за последние годы, как, например, череда «цветных революций» и установление прозападных ориентаций в большинстве государств Восточной Европы и бывшего СССР, польскому национальному сознанию сложно смириться с той скромной ролью, которую играет современная Польша на мировой арене. Утрата возможности влиять на мировую политику, ностальгия по «золотому веку Речи Посполитой» (XVI – начало XVII в.), обида на Россию и Германию (правда, на последнюю в несколько меньшей степени), которые за последние 300 лет четырежды участвовали в лишении Польши государственности, – все это создает у поляков ряд определенных комплексов, главный из которых – так называемый «поиск исторической правды» [7].

Как правило, под «поиском исторической правды» подразумевается определенная трактовка некоторых событий, имевших место в совместной истории двух или более стран. Интерпретация этих событий зависит от текущей внешне- и внутреннеполитической конъюнктуры. В основном это эпизоды, происходившие во время Второй мировой войны, как, например, массовое убийство польских офицеров в Катыни, «Волынская резня», или Варшавское восстание, или пакт Молотова – Риббентропа, по которому территория Польши была разделена между Германией и СССР [8]. Так, например, подразумевается, что в Катынском лесу в 1940 г. представителями советских служб безопасности был совершен акт геноцида против польского народа, посредством которого руководство СССР решило ликвидировать наиболее просвещенную часть общества Польши. Даже если не рассматривать подробно вопрос о том, кто именно совершил это военное преступление (СССР или фашистская Германия), трактовка его именно как «геноцид» вызывает справедливые сомнения в беспристраст-

ности польского общественного мнения, поскольку признаков уничтожения людей по расовому, этническому, национальному или религиозному принципу, как трактует геноцид ООН, в Катыни не наблюдается. Тем не менее вина в этом преступлении Советского государства не подвергается сомнению, и в этом отношении единодушны как общественные институты, так и само общество. «Волынская резня», например, по всем признакам подпадающая под определение «геноцид», в угоду современным отношениям Украины и Польши как таковой не классифицируется представителями власти, однако СМИ и общество в этом вопросе занимают более рациональную позицию [6, с. 8].

Варшавское восстание – еще одно трагическое событие в истории польского народа, вина за провал которого также возлагается на СССР и традиционно переадресуется России как его правопреемнице. Восстание, поднятое партизанской Армией Крайовой по приказу польского эмигрантского правительства в Лондоне с целью свержения нацистского оккупационного режима в Варшаве, ставило своей целью захватить власть в Варшаве, чтобы встретить советских солдат хозяевами в собственной столице и не допустить прихода к власти прокоммунистического польского правительства, лояльного Москве [1]. Вина за провал восстания также возлагается на Москву, поскольку советские войска не пришли на помощь восставшим, хотя, по мнению поляков, имели такую возможность.

Все эти и некоторые другие события интерпретируется таким образом, что виновником гибели лучших представителей польского общества представляется именно СССР. Россия же, как международно признанный преемник Советского Союза, обязана публично признать свою вину в этих эпизодах, принести извинения и, возможно, выплатить компенсации пострадавшим или их потомкам. Отказ российского руководства признать свою вину в этих эпизодах (за исключением пакта Молота – Риббентропа, который был осужден ВС СССР еще в 1989 г.) интерпретируется как рудимент имперского мышления.

Таким образом, «поиск исторической правды» постепенно превратился в одно из направлений политики Польши в отношении России. Средства массовой информации Польши оказывают существенное влияние на польское общественное мнение посредством поддержки подобной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bartelski L. M.* Powstanie warszawskie. Wyd. 2-e. Warszawa, 1967.
2. http://republikanin.salon24.pl/83512,index.html
3. *Michels R.* Zur Sociologie des Parteiwesens in der modern Democratie. B., 1970.
4. Введение в политологию: Словарь-справочник. М., 1996.
5. *Герцштейн Р.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.
6. За «Волынь» ответственны Советы // Rzecpospolita. 2008. 25 июля.
7. *Муравьев М.* Удел поляков в истории // Русская линия. 2005. 30 августа.
8. *Мухин Ю.* Антироссийская подлость. М.: Форум, 2003.
9. Словарь философских терминов. М.: Инфра-М, 2004, с. 408.
10. Философский словарь. М.: Политиздат, 1991, с. 415.
11. Этнология: Словарь-справочник. М.: Социально-политический журнал, 1998.